

П.С. Дронов (Институт языкознания РАН)

P.S. Dronov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Рецензия на книгу Ranko Bugarski. *Portret jednog jezika*. / Urednik Ivan Čolović.

Biblioteka XX vek, Knj. 201. Beograd: Knjižara krug, 2012

(Beograd: Čigoja štampa). — 278 стр.

Монография Р. Бугарски, известного сербского социолингвиста, автора работ о теоретическом и прикладном языкознании, носит на первый взгляд необычное название — «Портрет одного языка», содержащее аллюзию на «Портрет леди» Генри Джеймса и «Портрет художника в юности» Джеймса Джойса. Сам автор признает, что слово *портрет* редко употребляется в отношении описания языков, и потому название может показаться необычным или даже провокационным, способным одну часть аудитории отпугнуть, а другую, наоборот, привлечь (стр. 9). Несмотря на это, выбор заглавия представляется совершенно оправданным: данная работа, являющаяся итогом почти двадцати лет исследований и размышлений автора (см., например, [6—9]), может быть названа портретом сербохорватского языка и, в определенной степени, автопортретом («портретом художника, как одного из носителей языка» — стр. 9).

Монография состоит из четырех частей — двух социолингвистических (собственно *Portret jednog jezika* и *Treći deo: Žargonski*), расположенной между ними биографической (*Drugi deo: Memoarski*) и завершающей книгу библиографической (*Četvrti deo: Bibliografski*).

Первая часть начинается с главы, разъясняющей ключевые термины. Как и многие социолингвисты, Р. Бугарски проводит разграничение между литературным и стандартным языками: как известно, стандартный кодифицированный язык может быть не только языком литературы (вспомним историю японского языка, в котором язык литературы с IX по XIX вв. относился к низкому стилю, тогда как образцом высокой словесности считался язык государственных указов [1]). Автор подчеркивает, что слово

сербохорватский с момента его появления в работах Я. Гримма являлось не самоназванием, а термином; исключение представляет языковая ситуация в Боснии и Герцеговине во времена СФРЮ, способствовавшая закреплению этого наименования языка как общего для трех основных народов республики (с появлением аббревиатуры *es-ha*, т.е. *s[rpsko]h[rvatski]*) (стр. 13). В конституциях Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (1921 г.) и Королевства Югославия (1931 г.) язык именовался сербскохорватскословенским «очевидно, ради настоящей политической симметрии и без учета реальной языковой ситуации»¹ (стр. 16). Во время Второй мировой войны в оккупированной Сербии язык именовался сербским, а в марионеточном профашистском Независимом государстве Хорватия, соответственно, хорватским. Автор напоминает о Венском (1850 г.) и Новисадском (1954 г.) договорах о единстве языка и подчеркивает, что *сербохорватский язык*, таким образом существует (по состоянию на 2010 г.) более 186 лет, из которых более семидесяти он являлся официальным языком, «и это значит, что как так называемый стандартный язык на двадцать лет пережил свой официальный аналог. (Отсюда следует, что “стандартный язык” и “официальный язык” также являются различными категориями, которые не следует путать, хотя в реализации они часто совпадают»² (стр. 16—17). Далее Р. Бугарски сопоставляет конкурирующие и часто противоречащие друг другу точки зрения («Сербохорватский был фикцией»³, «Сербохорватский продолжает существовать и сейчас», «Сербский и хорватский отличаются только названием», «Хорваты украли язык у сербов», «Хорватский язык

---

¹ “... očigledno, zaradi puke političke simetrije i bez ikakve osnove u lingvističkim činjenicama”.

² “... što znači da je tako imenovan standardni jezik zaživeo dvadesetak godina pre svog službenog pandana i dosad ga za isto toliko nadživeo. (Iz ovoga se vidi da su „standardni jezik“ i „službeni jezik“ također različite kategorije koje ne bi trebalo brkati, iako su u realizaciji često podudarne)”.

³ Ср. позицию хорватского слависта, кельтолога и индоевропеиста Р. Матасовича в интервью журналу «Виенац», издаваемому научно-просветительским обществом «Матица хорватская»: «Этот язык был проектом в головах у группы лингвистов и у многих политиков. Несмотря на давление, которое оказывалось на хорватский язык, унификации стандартных форм в хорватском и сербском никогда не проводилось. В разные периоды коммунистической власти давление было разным и то увеличивалось, то уменьшалось, однако полного объединения стандартных языков никогда не проводилось. Как стандартный язык сербохорватский никогда не существовал» (“Taj je jezik bio projekt u glavama skupine lingvista i mnogih političara. Usprkos pritiscima kojima je hrvatski bio izložen, nikada nije bilo provedeno ujedinjavanje standardnih oblika u hrvatskom i srpskom. Ideološki pritisak nije bio podjednako jak u svim razdobljima komunističke vlasti, bilo je popuštanje i pojačavanje pritiska, ali nikada potpuno ujedinjavanje standardnih jezika nije provedeno. Kao standardni jezik srpsko-hrvatski nikada nije postojao”) [18].

старше сербского» и т.д.) и стремится рассмотреть язык под двумя углами, что отражено в названиях соответствующих глав — «Взгляд снаружи» (*Pogled spolja*), «Взгляд изнутри» (*Pogled iznutra*).

В главе «Взгляд снаружи» история сербохорватского языка изложена в геополитической, исторической и социолингвистической перспективе. В первом подразделе (*Jezik i granice* ‘язык и границы’) дается краткая характеристика южнославянского диалектного ареала, характеризующегося «зонами дробления диалектов» (*zone „drobljenja dijalekata“*, или *linguistic shatter zones* по Г. Кастреду [11]⁴). Во втором разделе «Сербохорватский язык до Второй мировой войны» (*Srpskohrvatski jezik do Drugog svetskog rata*) Р. Бугарски, перечисляет основные этапы унификации языка на базе штокавских диалектов (как этнически нейтральных, в отличие от чакавских и кайкавских, на которых говорят исключительно хорваты, и торлакских, характерных для юга и юго-востока Сербии^{5,6}), уделяя внимание хорватским последователям сербского просветителя В.Ст. Караджича и хорватского просветителя Л. Гая (И. Броз, Т. Маретич), работе сербского и хорватского лексикографа Дж. Данишича. Основной проблемой развития общего литературного языка, как на раннем этапе, так и в современности, стали две дихотомии фонетического и графического свойства: кириллица vs. латиница и

---

⁴ Отметим, что в более поздней работе Г. Кастреда [12] подробно рассмотрена унификация стандартного языка в границах национальных государств Европы, однако в ней не освещается вопрос бывшей Югославии.

⁵ При этом кайкавское и чакавское наречие, как известно, сближаются со словенским языком: общим для истории всех трех идиомов (для чакавского лишь частично) является период «альпийского славянского» (IX—XI вв.) [2, 204]. Для торлакского диалекта, представленного тремя группами говоров на границах с Македонией и Болгарией, характерна значительная генетическая близость с северомакедонскими и «крайнезападными» болгарскими говорами [3, 197] и, как следствие, наличие в грамматике большего числа элементов, характерных для балканского языкового союза (например, постпозитивного артикля). Р. Бугарски на стр. 66 рецензируемой книги замечает, что белградец легче поймет уроженцев Загреба или Подгорицы и Никшича (Черногория), чем жителей Бело-Вранья или Пирота, говорящих на торлакских диалектах.

⁶ Ср. указание на эту этническую нейтральность в «Сравнительно-исторической грамматике хорватского языка» Р. Матасовича: «Между тем, штокавское наречие с древнейших времен было в известной степени неуникальным, т.к. западноштокавские диалекты сближались с кайкавским наречием, а восточноштокавские — с торлакским (сербским наречием в юго-восточной Сербии)» (“Štokavsko je pak narječje od najranijeg vremena bilo prilično nejedinstveno, pri čemu su zapadnoštokavski dijalekti naginjali kajkavskomu, a istočnoštokavski torlačkomu (srpskomu narječju u jugoistočnoj Srbiji)”) [17, 35]. Любопытно, что на той же странице Матасович, объясняя наличие в торлакских говорах черт, сближающих их с языками балканского языкового союза, объявляет эти говоры результатом славянизации дославянского (албанского и восточнороманского) населения.

экавица vs. екавица (т.е. произношение [e], [e:] vs. [je], [je:] на месте [ě], или Ё).

Своеобразной попыткой примирения сторон была анкета Й. Скерлича, разосланная в 1914 г. и содержащая предложение по унификации орфографии, графики и произношения: сербы должны были отказаться от кириллицы в пользу латиницы, а хорваты — от екавицы в пользу экавицы. Мнения респондентов — интеллектуалов как в Сербии и Черногории, так и в Австро-Венгрии, частью которой в тот момент были Хорватия, Босния и Герцеговина, — разделились (стр. 25—26). Начавшаяся вскоре Первая мировая война отложила эти споры на неопределенный срок. После войны декларируемое языковое единство не мешало свободному употреблению в традиционных названий *srpski*, *hrvatski*, *slovenski jezik*, а также примирительного *naš jezik* ‘наш язык’. В последние годы перед Второй мировой войной в Загребе увеличивалось число публикаций о различиях между хорватским и сербским литературными языками (автор, прежде всего, цитирует знаменитую работу П. Губерины и К. Крстича, вышедшую в 1940 г.). В целом, языковую политику предвоенной Югославии автор характеризует как смягчение этноязыковых различий с перспективой их стирания.

Языковая политика времен Второй мировой войны была построена на усилении этих различий и была неразрывно связана с национальной политикой истребления народов, проводимой в профашистском НГХ; сам автор характеризует массовые расправы над нехорватским населением кратко: «Быть хорватом или сербом часто означало: жить или погибнуть»⁷ (стр. 27). Основные изменения коснулись лексики (избирательный пуризм, возвращение в активный словарный запас архаизмов в новых значениях, создание неологизмов на основе «родных» корней) и правописания: нормативным в НГХ стало морфологическая орфография (*korienski pravopis*) в противовес фонологической орфографии Караджича (принцип *пиши као што говориш / piši kao što govoriš*).

---

⁷ “Biti Hrvat ili Srbin tamo je često označavalo razliku između života ili smrti...”.

В третьем разделе «Сербохорватский язык в СФРЮ» (*Srpskohrvatski jezik u SFRJ*) Р. Бугарски кратко рассматривает языковую ситуацию в 1945—1991 гг. Хотя в социалистической Югославии сербохорватский язык формально не занимал привилегированного положения, де-факто он был языком четырех из шести титульных наций федеративной республики (т.е. сербов, хорватов, черногорцев, боснийских мусульман) и, согласно переписи 1981 г., являлся родным для 73% населения. По этой причине он был вторым языком для представителей двух других титульных наций (словенцев и македонцев) и почти двадцати национальных меньшинств (албанцев, венгров, русин, мегленорумын, истрорумын, влахов и т.д.) и служил неофициальным средством межнационального общения. Хотя в Новисадском договоре содержался призыв к унификации терминосистем различных областей знаний, а также к созданию единой орфографии и многотомного общего словаря (в кириллической версии под эгидой общества «Матица сербская» в Нови-Саде и латинской — в загребской «Матице хорватской»), этот призыв, во многом, остался без ответа. Фактически существовали три варианта языка — «восточный» (сербский), «западный» (хорватский), а также т.н. боснийско-герцеговинское стандартно-языковое выражение (*bosanskohrecegovački standardnojezički izraz*)⁸, — однако центробежные силы и активизация старых национальных противоречий приводили к новым дискуссиям о существовании отдельного хорватского языка и о языковой унификации по сербскому образцу. В частности, в 1967 г. появилась «Декларация о названии и положении хорватского литературного языка» (*Deklaracija o nazivu i položaju hrvatskoga književnog jezika*), ответом на которую стало «Предложение подумать» (*Predlog za razmišljanje*) группы сербских писателей; оба документа предлагали, по сути, денонсировать Новисадский договор и были подвергнуты острой партийной критике в обеих союзных республиках. В

---

⁸ Автор на стр. 31 говорит о малых языковых различиях, играющих роль национальных особенностей. Характерно, что современные хорватские исследователи, говоря о существовании отдельных сербского и хорватского языков как о непреложном факте, признают, что стандартные сербский и хорватский обнаруживают бóльшую языковую близость, чем прочие славянские языки (см. статью М. Грчевича о хорватском языке в энциклопедии «Словообразование» серии *HSK* [13, 2998]).

70-е гг. XX в. в Хорватии на волне экономических и национальных противоречий усилилось националистическое движение (т.н. хорватская весна, *hrvatsko proljeće*), и итогом этого стало включение в союзную конституцию элементов конфедеративного устройства.

Следующие разделы, «Язык в конституциях» (*Jezik u ustavima*) и «Язык в войне» (*Jezik u ratu*), посвящены языковой ситуации в 1974—1991 гг., а затем с 1991 г. до наших дней. Автор касается попыток компромисса между сторонниками языкового единства и разделения языков. Такими компромиссами являлись различные формулировки в основных законах Хорватии, Боснии и Герцеговины, например, «хорватский литературный язык — стандартная форма национального языка хорватов и сербов Хорватии, называемая также хорватским, или сербским, языком» в конституции Хорватии 1974 г. (“*hrvatski književni jezik — standardni oblik narodnog jezika Hrvata i Srba u Hrvatskoj, koji se naziva hrvatski ili srpski*”) (стр. 33). После распада СФРЮ и войн в Боснии и Хорватии компромиссные формулировки были упразднены, ср. *hrvatski jezik I latinično pismo* ‘хорватский язык и латинская графика’ в конституции Хорватии 1991 г. или замену *bosanskohercegovački standardnojezički izraz* на *bosanski jezik* ‘босанский/боснийский язык’ в Боснии и Герцеговине после Дейтонских соглашений. Любопытно, что во время существования Союзной Республики Югославия (СРЮ) одновременно действовали конституции СРЮ 1992 г. и Союзной Республики Сербия 1990 г, в которых официальный язык именовался по-разному: *srpski* (радикально) и *srpskohrvatski* (компромиссно). Раздел «Язык в войне», соответственно, посвящен дискурсу ненависти и этнонационализма в конфликтах 90-х гг. на территории бывшей Югославии: «Прежде пассивный элемент националистических споров, язык и перед войной в Хорватии и Боснии и Герцеговине, и в ходе этой войны становится активным инструментом конфликта, оружием в борьбе против Других с помощью массового и бессовестного злоупотребления старыми ярлыками (*четники* ‘бойцы сербских монархистских отрядов Д. Михайловича во Второй мировой войне’, *усташи* ‘члены национал-социалистического «Хорватского революционного движения»’), ввод новых

(*моджахеды*) и их обобщение на целые этносы. Общественный дискурс вскоре был наводнен *византийскими варварами, геноцидными сербоненавистниками, фанатиками джихада* и подобными творениями, а в собственных рядах господствовало безоговорочное разделение на *патриотов* и *предателей*. При этом никто ни на кого не нападал, все стороны лишь *оборонялись*, а города и территории не завоевывались, а *освобождались* (по возможности так, что стирались с лица земли, а негодное население убивалось или изгонялось)»⁹ (стр. 39). Непосредственным следствием языковых и политических манипуляций стало резкое уменьшение числа людей, определяющих свой язык как сербохорватский, а себя как югославы (по переписи 2002 г., в Сербии было 80 тыс. югославы, а по данным хорватской переписи 2001 г. так себя назвали всего 176 человек). В результате стремительного роста этнонационализма при изменении этнического состава территорий Хорватии и Боснии и Герцеговины «неудобные» топонимы массово переименовывались, например, Фоча (*Foča*) в Республике Сербской¹⁰ (Босния и Герцеговина) в течение десяти лет вместо «турецкого» названия носила сербское имя Србинье (*Srbinje*), а герцеговинский город Дувно переименован на хорватский манер в Томиславград (*Tomislavgrad*). Руководство Республики Сербской без особых успехов пыталось поменять орфоэпическую норму, заменяя екавицу (как «испорченную» близостью к языку хорватов и боснийских мусульман) на «чисто сербскую» екавицу. Глава заканчивается неутешительным выводом: с политической точки зрения, сербохорватский язык был детищем идеи общего государства для всех

---

⁹ «Ranije pasivan predmet nacionalističkih sporenja, jezik će pred samo izbivanje rata u Hrvatskoj i BiH i u njegovom toku postati aktivan instrument sukoba, oružje u borbi protiv Drugih, uz masovnu i bestidnu zloupotrebu starih etiketa (*četnici, ustaše*) i uvođenje novih (*mudžahedini*), te njihovo uopštavanje na cele etničke populacije. Javni diskurs je ubrzo preplavljen *bizantskim barbarima, genocidnim srbomrscima, fanaticima džihada* i sličnim kreaturima, a u sopstvenim redovima carevala je bespogovorna podela na *patriote i izdajnike*. Pri tome niko nikoga nije napadao, sve strane su se samo *branile*, a gradovi i teritorije nisu osvajani nego *oslobađani* (po mogućstvu tako što će biti svađeni sa zemljom, a nepoćudni deo njihovih stanovnika pobijen ili proteran)».

¹⁰ По итогам Дейтонских соглашений (1—21 ноября 1995 г.) война в Боснии и Герцеговине (1992—1995 гг.) была официально завершена, и ее территория разделена на два конфедеративных субъекта, или «энтитета», — Республику Сербскую с преимущественно сербским населением и мусульманско-хорватскую Федерацию Босния и Герцеговина. В состав обоих энтитетов как зона совместного управления (кондоминиум) входит Округ Брчко.

южных славян, прошел с этой идеей одни и те же этапы и погиб одновременно с этим государством (стр. 42).

Глава «Взгляд изнутри» посвящена развитию языка (или языков) в Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговине и Черногории¹¹. Р. Бугарски начинает с хорватского языка, в котором, как констатирует он, основные изменения касаются, как и в 40-е гг. XX в., борьбы с тем, что понимается как сербское языковое влияние. Типичнейшим примером являются вышедшие в 90-е гг. XX в. словари отличий хорватского языка от сербского (самый известный — словарь В. Бродняка [5])¹². Тем не менее автор указывает на некоторый спад пуризма в Хорватии после того, как стало ослабевать влияние Хорватского демократического объединения и ее лидера Ф. Туджмана (первого президента Хорватии). Тем не менее наследием языковой политики времен Туджмана является «новая и верная каста т.н. лекторов (на самом деле — языковых цензоров) в средствах массовой информации, издательствах и иных общественных учреждениях», разрешающая и запрещающая лексику и грамматические конструкции как «неудобные» (стр. 45). Сюда же можно отнести конкурс на лучший неологизм, проводимый журналом *Jezik* ‘Язык’ с 1993 г. Сами жители Хорватии периодически высмеивают подобные языковые изменения; это отражено и в работах хорватских социолингвистов (например, [16]).

Языковая ситуация в Боснии и Герцеговине отличается тем, что у боснийских мусульман не один, а два образа «Другого», которому нельзя уподобляться, — и сербский, и хорватский языки. По этой причине при кодификации была выбрана ориентация на восточный элемент боснийского этнокультурного наследия. Это

---

¹¹ По понятным причинам, за рамками исследования остаются положение словенского и македонского языков, которые признавались в СФРЮ отдельными (хотя во времена Королевства Югославия считались частью «сербскохорватскословенского» языка). Кроме того, языковой вопрос здесь практически не поднимался и само отделение республик произошло сравнительно быстро и без больших жертв: независимость Словении была признана после десяти дней стычек Югославской народной армии с местными отрядами самообороны, а из Македонии ЮНА вышла без единого выстрела.

¹² Характерно, что в этом словаре хорватизмами названы слова, употребляемые также и сербами, а сербизмами — лексика, распространенная в Хорватии: «хорватское» *abeceda* — «сербское» *azbuka*. Кроме того, различия касаются облика иноязычных морфем или географических названий: «хорватское» *ateist* — «сербское» *ateista*, хорватские *Afganistan*, *Armenija* — сербские *Avganistan*, *Jermenija*).

проявляется в наличии большого — еще бóльшего, чем в языке сербов¹³ числа — турцизмов (в том числе, арабского и иранского происхождения) в лексике и фразеологии (не только в идиомах и пословицах, но и в речевых формулах), а также в особенностях произношения и орфографии в официально-деловом и религиозном (исламском) регистрах, ср. *ahiret* ‘ахират, загробный мир в исламе’, *šehid* ‘шахид, мученик за веру’, *džennet* ‘джаннат, рай в исламе’ (с совершенно нехарактерным для сербской или хорватской орфографии удвоением согласного в корне). Помимо этого, для босанского/боснийского языка в сравнении с сербским характерна нарочитая этимологизация (подчас ложная), проявляющаяся, прежде всего, в нормативном [x] в тех случаях, когда у сербов или черногорцев он (в зависимости от позиции в слове) выпал, перешел в [v] или [j]: *promaha* — *promaja* ‘сквозняк’, *mehak* — *mek* ‘мягкий’, *hudovica* — *udovica* ‘вдова’ (в последнем случае этимология ложна). При этом, подчеркивает Р. Бугарски, подобные новации редко выходят за пределы устной и письменной речи национальных и религиозных элит: обычные люди, в целом, пользуются привычной им орфографией и лексикой (“*be-ha varijantom es-ha*” ‘боснийско-герцеговинским вариантом сербохорватского’) (стр. 47). Положение боснийского языка в Республике Сербской и хорватских округах Федерации также неоднозначно: вопреки всем официальным прокламациям, подразумевается, что боснийский язык — язык боснийцев-мусульман, тогда как сербы и хорваты говорят на своих разновидностях сербского и хорватского. По вопросам сложной языковой ситуации в Боснии и Герцеговине, в том числе в сфере образования, Р. Бугарски дает достаточно подробную библиографию.

Рассматривается также ситуация в Черногории, где после объявления независимости от Сербии (2006 г.) официальным языком, согласно конституции, является черногорский. Здесь автор не скрывает скептицизма, поскольку рассматривает черногорцев как этническую группу сербского народа, говорящую на одном из екавских

---

¹³ Как известно, в силу пяти веков пребывания сербов, боснийцев, герцеговинцев и части хорватов в составе Османской империи, заимствования из османско-турецкого широко распространены в сербохорватском языке (вне зависимости от стиля или подъязыка, ср.: *majmun* ‘обезьяна’, *kaldrma* ‘мостовая’, *čelik* ‘сталь’, *čelav* ‘лысый’ и т.д.).

говоров штокавского наречия. Идея кодификации черногорского языка возникла у местных элит и носила, по мнению Р. Бугарски, любительский и волонтаристский характер. Автор довольно резко отзывается о поддержке «реформаторских амбиций гиперактивных, но плохо образованных с точки зрения лингвистики работников» (“reformatorske ambicije hiperaktivnih ali lingvistički slabo obrazovanih poslenika”) (стр. 48). Примерами такой кодификации были попытки оживить устарелые регионализмы наподобие *đeca* (*deca*, *djeca* ‘дети’), *šjekira* (*sekira*, *sjekira* ‘топор’) или ввод в алфавит букв *ś* и *ź*, обозначающих позиционные варианты фонем /s/ и /z/; и то, и другое отражает диалектную вторичную йотацию (ср. в литературном языке *mlad* ‘молодой’ — *mlađi* ‘моложе’ < *mladji). Ни то, ни другое не встретило широкой поддержки, несмотря на давление со стороны властей. Тем не менее, в результате усилий по кодификации черногорского языка возникла парадоксальная ситуация: фактически, один и тот же идиом (но под разными названиями) стал в Черногории одновременно государственным и миноритарным языком (однако число говорящих на миноритарном, по переписи 2011 г., составляет 43% населения Черногории, тогда как носителями черногорского языка себя считают 37%). В первом случае он имеет статус «официального языка» (*službeni jezik*), а во втором — «официально употребляемого языка» (*jezik u službenoj upotrebi*), наряду с боснийским, хорватским и албанским (албанцы составляют большинство населения в городе Улцинь и его окрестностях).

Последней по счету автор рассматривает языковую ситуацию в Сербии. Язык в Сербии, по понятным причинам, не менялся так же сильно, как в Хорватии или Боснии и Герцеговине, однако также не остался без изменений. В Сербии также был языковой национализм, однако не редуционистский, как в других странах бывшей Югославии, а экспансивный. С этим согласуется и различное отношение к сербохорватскому наследию: если в Хорватии термин «сербохорватский» фактически под запретом из редуционистского, «уменьшительного» национализма, то в Сербии он считается одиозным потому, что с точки зрения сербского национализма «сербохорватский язык» может существовать только как переименованный сербский. Благодаря этой

националистической позиции в роли «Другого» здесь выступает не сам язык, а его выражение на письме. Главным врагом для этнонационалиста становится латинская графика, понимаемая как нечто чужеродное — письменность хорватов, Коминтерна, Ватикана, Брюсселя, Вашингтона и прочих врагов сербского народа. Как следствие, заветной целью является изгнание латиницы из деловой переписки, СМИ и широкого обихода; альтернативой этому процессу видится вытеснение кириллицы или гибель сербского языка и идентичности (стр. 53).

В последнем разделе главы «Взгляд изнутри» автор подводит черту под этими экстремальными и экстремистскими точками зрения, констатируя, что необходимость взаимопонимания, привычки и субъективная позиция обычных, «неэлитарных» носителей языка, мало заинтересованных в прославлении национальных святынь, периодически вступают в противоречие с лозунгами предрержащих властей. Р. Бугарски напоминает о существовании понятия «югосферы» (т.е. единого югославского культурно-языкового пространства), введенного британским публицистом Т. Джудой [14]. По его мнению, «югосфера» не прекращала существовать за все двадцать (на момент написания рецензируемой работы) лет раздельного существования (стр. 58—59).

В главе «Баланс» (*Bilans*) автор дает краткое описание социолингвистической терминологии и традиционного диалектного членения и кодификации языков. В ней он, опираясь как на сведения, данные в предыдущих главах, так и на данные из англоязычной переводческой практики (например, наличие в европейских судах, в том числе в Гаагском трибунале, общего штата переводчиков для *BCS* — *Bosnian, Croatian, Serbian* ‘боснийского, хорватского, сербского’), постулирует существование единого литературного языка с региональными вариантами, имеющими собственные регулирующие организации, — иными словами, полицентрического языка. Нетипичным для полицентрического языка оказывается его положение в 1918—1941 гг. и 1945—1991 гг., когда региональные варианты были распространены в пределах одного государства (в отличие от, например, европейского и канадского французского, британского,

австралийского, американского и прочих вариантов английского и т.д.). Подводя итоги, автор делает три вывода о судьбе сербохорватского языка:

- 1) на лингвистическом и коммуникативном уровне сербохорватский язык продолжает существовать как полицентрический;
- 2) на правовом и политическом уровне сербохорватский язык прекратил свое существование;
- 3) на социально-психологическом уровне, уровне самоощущения и самосознания граждан сербохорватский язык существует только для небольшого и уменьшающегося числа жителей бывшей Югославии (стр. 79—84).

Вторая часть книги представляет собой не портрет языка, а, как уже было сказано выше, «портрет художника». Воспоминания автора и выдержки из его библиографии помещены в более широкий социолингвистический контекст; в определенной степени эта манера повествования напоминает «воображаемую словесность», о которой писал Ю.С. Степанов в своей монографии «Мыслящий тростник» [4]. Завершением этой части книги служит раздел «Необычная жизнь обычного интервью» (*Neobičan život jednog običnog intervjua*). Здесь полностью приводится текст интервью, которое Р. Бугарски дал в 2007 г. журналисту из журнала *Feral Tribune* (г. Сплит, Хорватия). Запись этой беседы вышла без авторизации и правки под названием «Любой “наш язык” на 90% ваш» (*Svaki je naški 90 posto vaški*) и вызвала широкий общественный резонанс в Хорватии, а затем переводилась на другие языки и неоднократно цитировалась. Таким образом, в этом разделе автор снова переходит из жанра автобиографии в жанр научной работы.

Третья часть представляет собой продолжение публикаций автора о сербохорватском жаргоне, и прежде всего — о развитии окказионального словообразования и продуктивности словослитков (блендов). Дальнейшее развитие это исследование получило в работе Р. Бугарски *Sarmagedon u Mesopotamiji* (приблизительный русский перевод этих блендов и полученного с их помощью каламбура — «Долмагеддон в Мясопотамании») [10].

Наконец, четвертая часть (*Četvrti dio: Bibliografski*) представляет собой избранную библиографию социолингвистических исследований языковой ситуации в бывшей Югославии, выполненных в 2007—2010 гг. как на ее территории, так и за ее пределами.

Книга Р. Бугарски представляет интерес как доказательство единства полицентрического литературного языка в эпоху продолжающегося языкового дробления (ср. признание кайкавского наречия на севере Хорватии отдельным языком 12 января 2016 г. с присвоением ему кода *kjv* по стандарту ISO 639 [15]). Это единство видно и в том широком общественном резонансе, который вызывает любое исследование на данную тему на пространстве бывшей Югославии, ср.: «... Одна монография с большим научным аппаратом, в которой с помощью лингвистических аргументов доказывается, что сербохорватский является полицентрическим стандартным языком, вызвала у широкой общественности настоящее бешенство (вплоть до судебного разбирательства и демонстраций на улицах), как работа явно антиконституционная и антихорватская, а написавшую ее ученую, лингвиста международного уровня, приковали к позорному столбу. И все это из-за языка, которого, как упорно доказывают, не существует»¹⁴ (стр. 20).

Кроме того, книга представляет собой образец хорошего литературного стиля и может быть рекомендована всем студентам, изучающим сербохорватский язык (или отдельные сербский, хорватский, боснийский, черногорский литературные языки).

Литература

1. Алпатов В.М. Япония: язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008.

---

¹⁴ “... jedna obilato dokumentovana naučna monografija, u kojoj je lingvističkim argumentima dokazuje da je sprskohrvatski jedan policentričan standardni jezik, izazvala pravu pomamu u javnosti, uključujući jednu sudsku tužbu i čak ulične demonstracije, kao navodno protivustavna i antihrvatska, a njena autorka, lingvist međunarodnog ugleda, prikovana je na stub srama. A sve ovo zbog jednog, kako se uporno tvrdi, nepostojećeg jezika!”

2. Дуличенко А.Д. Словенский язык // Языки мира: Славянские языки / РАН. Институт языкознания; Ред. колл.: А.М. Молдован, С.С. Скорвид, А.А. Кибрик и др. М.: Academia, 2005.
3. Кречмер А.Г., Невекловский Г. Сербохорватский язык // Языки мира: Славянские языки / РАН. Институт языкознания; Ред. Колл.: А.М. Молдован, С.С. Скорвид, А.А. Кибрик и др. М.: Academia, 2005.
4. Степанов Ю.С. Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности». Калуга: Эйдос, 2010.
5. Brodnjak V. Razlikovni rječnik srpskog jezika i hrvatskog jezika. Zagreb: Školske novine, 1991.
6. Bugarski R. Jezik od mira do rata. Beograd: Čigoja štampa, 1994.
7. Bugarski R. A problem of language identity: The comparative linguistics of Serbo-Croatian // A. Ahlqvist, V. Čapková (eds.). *Dán do Oide: Essays in Memory of Conn R. Ó Cléirigh*. Dublin: The Linguistics Institute of Ireland, 1997, pp. 67–73.
8. Bugarski R. What's in a name: the case of Serbo-Croatian // *Revue des études slaves*, Vol. 75, No. 1 (2004), pp. 11–20.
9. Bugarski R. Jezik i identitet. Beograd: Čigoja štampa, 2010.
10. Bugarski R. Sarmageddon u Mesopotamiji / Urednik Ivan Čolović. Biblioteka XX vek, Knj. 201. Beograd: Knjižara krug, 2013 (Beograd: Čigoja štampa).
11. Custred G. Language boundaries // Wölck, W., de Houwer, A. (eds.). *Recent Studies in Contact Linguistics*. Bonn: Dümmler, 1997 (Plurilingua, VIII), pp. 45–50.
12. Custred G. The Linguistic Consequences of Boundaries, Borderlands, and Frontiers // *Journal of Borderlands Studies*, 26:3, 2011, pp. 265–278.
13. Grčević M. 164. Croatian // Müller P.O. (Hrsg.), Ohnheiser I. (Hrsg.), Olsen S. (Hrsg.), Rainer F. (Hrsg.). *Word-Formation: An International Handbook of the Languages of Europe (Handbücher Zur Sprach- Und Kommunikations- Wissenschaft)*. Volume 5 (HSK 40.5). Berlin: de Gruyter Mouton, 2016.

14. Judah T. Good News from the Western Balkans: Yugoslavia is Dead, Long Live the Yugosphere / LSEE – Research on South Eastern Europe. London: Crowes Complete Print, 2009.
15. Kajkavski jezik međunarodno priznat // Kronike Velike Gorice, 17. siječnja 2016 // <http://www.kronikevg.com/kajkavski-jezik-medunarodno-priznat>.
16. Kordić S. Jezik i nacionalizam. Zagreb: Durieux, 2010.
17. Matasović R. Poredbenopovijesna gramatika hrvatskog jezika. Zagreb: Matica Hrvatska, 2008.
18. Matasović R. Srpsko-hrvatski nikada nije ostvaren, jer nije postojao // Vijenac 383 — 6. Studenoga 2008 // <http://www.matica.hr/vijenac/383/Srpsko-hrvatski%20nikada%20nije%20ostvaren,%20jer%20nije%20postojao>.